

АВТОРИТАРНЫЙ ТРАНЗИТ ПЕРИФЕРИЙНЫХ СТРАН МЕЖВОЕННОЙ ЕВРОПЫ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Пономарева Е. Г.

В статье автор размышляет о причинах кризиса демократических моделей в странах ЦВЕ, ЮВЕ и Прибалтики и на основе анализа комплекса факторов делает вывод о закономерности авторитарного транзита периферийных стран Европы в межвоенный период (1918 – 1939 гг.). Если все авторитарные режимы того периода в изучаемом регионе отличало наличие трех основ авторитаризма: вождизма, идей построения национального государства и национализма, то специфические черты позволяют выделить три кластера авторитарных режимов в межвоенной Европе: военно-бюрократический, корпоративный (цеховой) и дототалитарный (фашистский мобилизационный) режим. Однако главный вывод следующий: сложная экономическая, политическая и социокультурная ситуация в странах ЦВЕ, ЮВЕ и Прибалтики, усугубляемая последствиями глобализации и мирового финансового кризиса, способна спровоцировать рецидивы авторитарного транзита.

Ключевые слова: периферийные страны, межвоенная Европа, авторитарный транзит, военно-бюрократический режим (Польша, Литва), корпоративный (цеховой) режим (Латвия, Чехословакия), дототалитарный (фашистский мобилизационный) режим (Венгрия), национализм, национальное государство

Keywords: peripheral countries, interwar Europe, authoritarian transition, military-bureaucratic regime (Poland, Lithuania), corporate (guild) regime (Latvia, Czechoslovakia), pre-totalitarian (fascist mobilization) regime (Hungary), nationalism, nation-state

Из демократии рождается тирания
Платон

Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно берemenно новым
К. Маркс

«Новые демократии» Европы, к которым аналитики относят страны ЦВЕ, ЮВЕ и Прибалтики, имеют на поверку далеко не богатый опыт демократического строительства, не говоря уже об устойчивых предпосылках демократии в виде развитой экономики, высокого уровня политической культуры и традиции плюралистического гражданского общества. Относительно недавно (для исторической перспективы),

в межвоенный период, эти государства пережили авторитарный транзит, а именно переход от демократии к диктатуре. К концу 30-х годов XX века из 29 стран Европы только 12 смогли сохранить демократическую систему. Становление и трансформация политических режимов стран ЦВЕ, ЮВЕ и Прибалтики, как периферии капитализма, безусловно, попадает в классификационную сетку авторитаризма.

Пономарева Елена Георгиевна – кандидат политических наук, доцент Кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, e-mail: polatology@mgimo.ru.

В политологической науке «классическое» понятие авторитарного режима (АР) принадлежит американскому ученому Хуану Линцу¹. По его мнению, режимы являются авторитарными, если им присущи такие отличительные признаки, как: 1) ограниченный безответственный политический плюрализм; 2) отсутствует руководящая, четко разработанная идеология; 3) не практикуется экстенсивная или интенсивная политическая мобилизация, а значит, уровень политического участия довольно низкий; 4) неопределенным, но полностью прогнозируемым образом, власть, границы которой формально обозначены и предсказуемы, удерживается лидером или сплоченной группой вокруг него.

Важно, что в отличие от тоталитарных режимов авторитаризм допускает существование различных общественных образований, не установленных государством и не зависящих от него. Так называемый «ограниченный плюрализм» – является самой показательной чертой авторитаризма. Некоторые АР даже допускают институционализацию контролируемого сверху политического участия независимых групп и институтов, символических партий, но и в таких условиях власть остается неподотчетной обществу. Тем не менее, ограниченного плюрализма достаточно для сохранения при авторитарных режимах институтов гражданского общества либо некоторых значимых и довольно самостоятельных сегментов.

Принимая за единицу отсчета эту черту авторитаризма, а именно, плюрализм (как политический, так и экономический) и политическую мобильность (степень активности), Линц предложил следующую типологию АР: военно-бюрократические, корпоративные (цеховые), дототалитарные (фашистские мобилизационные), постколониальные и расовые/этнические демократии.

В межвоенный период появляются первые три типа, «идеальными» примерами которых, с веберовской точки зрения, можно рассматривать режимы в Польше, Венгрии, Латвии, Литве и Чехословакии.

Санационная Польша: эволюция военно-бюрократического режима

Установление авторитаризма в Польше было определено слабостью и неустойчивостью т.н. демократической модели французского типа, определявшей приоритет парламента/сейма, вылившейся фактически в сеймократию. Исторические особенности шляхетской демократии, приведшие к распылению партий, чрезвычайно затрудняли работу правительства, что не могло не сказаться на социально-экономической и политической обстановке в стране. Левые, правые

и центристы были более или менее уравновешены, но невозможность сотрудничества двух первых и политическая незрелость аграрного центра существенно ограничивали возможности достижения консенсуса по любому вопросу. В такой ситуации авторитаризм с сильной властью главы государства; с опорой на движение, отбросившее всякий политический этикет и поддерживавшее «верховного главу», который стоял над партиями, и убежденное в своей миссии или в праве управлять во имя государственных интересов и национального единения, даже не подтвержденном численным превосходством голосов, полученных на выборах; с идеологией, сводившейся к популистским, но ярким и желанным, лозунгам – не имел исторических альтернатив.

В авторитарной системе Польши правительственный лагерь играл роль умеренного центра, не принимая идеологию ни коммунизма, ни фашизма. Он терпел существование и деятельность оппозиционных партий, не навязывал никакой идеологической монополии и не пытался вмешиваться во все сферы политической, экономической и социокультурной жизни. Особую роль при этом играла армия, прежде всего легионеры, всецело преданные Юзефу Пилсудскому (аналог «режима полковников», хотя та ситуация несравнима с военными хунтами Латинской Америки). Альфред Степан² справедливо заметил, что преторианство, дополненное общественным недовольством социально-экономической ситуацией, отсутствием безопасности и долгосрочной неэффективностью власти парламента, способствует замене гражданской власти на власть военных, т.е. установлению военно-бюрократического АР.

Напомню, что борьба за границы Польского государства завершилась подписанием Рижского мирного договора в марте 1921 г., плебисцитом в Силезии (хотя окончательный выход был найден только после третьего восстания) и принятием конституции 17 марта 1921 года. Кроме того, 13 сентября 1922 г. Польша заключила Договор о военном сотрудничестве с Францией, а 26 марта 1926 г. стратегически важный союз был заключен и с Румынией³.

«Мартовская конституция»⁴ 1921 г. оказалась гораздо выгоднее сейму, который стал фактически суверенным по отношению к исполнительной власти, что и породило сеймократию. Прерогативы президента были ограничены особенно из-за правых, которые опасались авторитета Пилсудского. В сложившейся ситуации маршал (Пилсудский стал им в 1920 г.) отказался выставить свою кандидатуру на выборах президента страны. После

Научные доклады

сложной избирательной игры президентом в декабре 1922 г. был избран Габриель Нарutowич («Вызволене»). Используя методы борьбы, основанные на разжигании межнациональной вражды, правые утверждали, что Нарutowич обязан своим избранием голосам еврейского меньшинства и не может считаться настоящим президентом республики. Итогом радикально националистической истерии стало создание в стране атмосферы ненависти и нетерпимости, спровоцировавшее убийство первого президента Польши. Страна оказалась на грани гражданской войны⁵.

Избежать кровопролития, тем не менее, удалось, и новый президент, Станислав Войцеховский, был избран с тем же перевесом, что и его предшественник. Польские историки утверждают, что убийство Нарutowича, потрясшее Пилсудского, подвигло последнего покончить с партийной ограниченностью и радикализмом правых и с сеймократией, как ее следствием. Однако для этого надо было выбрать благоприятный момент и собрать силовой противовес. Поэтому в мае 1923 г. Пилсудский уходит в отставку с тем, чтобы вернуться во власть «на белом коне».

С мая 1923 г. до мая 1926 г. в Польше сменилось четыре правительства: правоцентристское Вицентия Витоса, которое работало на фоне гиперинфляции и социальных конфликтов; внепартийное Владислава Грабского, которому удалось реформировать государственные финансы, монетную систему и обеспечить стране стабильность; широкая коалиция Александра Скшинского и, наконец, еще одно правительство Витоса, которое продержалось всего пять дней, до того, как его сверг Пилсудский.

Система парламентской демократии не могла справиться ни с одним из вызовов государственности того периода: ни с социальными конфликтами, порожденными сложной экономической ситуацией, ни с жесткими разногласиями между политическими партиями. Кроме того, правые, впечатленные походом сторонников Муссолини на Рим, стали расценивать сложившуюся систему как пустую скорлупу. Профашистские настроения, сопровождавшиеся крайним проявлением национализма, не могли не беспокоить левых и национальные меньшинства, особенно еврейское. Все чаще и чаще возры поляков обращались к Пилсудскому, неустанно критиковавшему существовавшую систему, которая, по его мнению, была опасна и требовала «оздоровления» (санации). По словам генерала Г. Орлика-Дрезера, ветераны легионов, проявившие себя в войне с советской Россией, были готовы без колебаний предоставить в распоряжение Пилсудского «сабли, отточенные в битвах»⁶.

Благодаря содействию военного министра Люциана Желиговского под предлогом маневров в мае 1926 г. в окрестностях Рембертова были стянуты верные Пилсудскому части. 12 мая они двинулись на Варшаву. После трехдневных боев в столице Пилсудский овладел ситуацией и провел радикальные перемены в управлении. Он занял должности военного министра и генерального инспектора вооруженных сил. Уже 31 мая он был избран президентом, однако, исходя из политических соображений, отказался от должности. При повторном голосовании президентом был избран Игнацы Мосьцицкий. Формирование нового правительства фактически легализовало переворот.

Помимо должности военного министра, в 1926—1928 гг. и 1930 г. Пилсудский занимал также пост премьер-министра. Установившийся авторитарный режим (фактически, диктатура), опиравшийся на армию и сторонников Пилсудского, вошел в историю под названием «санация».

Квалифицировать этот режим как военно-бюрократический позволяет определяющая роль диктатора (маршала) в процессе избрания президента, формирования кабинета министров, при принятии законов. Роль парламента была существенно ограничена (ограниченный плюрализм). Развитию авторитаризма способствовала и «конституционная новелла» (изменение в конституции) от 2 августа 1926 г. Согласно данной новелле президент получил право самостоятельно распускать Сейм и Сенат до истечения срока их полномочий, а также издавать указы, имеющие силу закона до момента утверждения или не утверждения их парламентом. В 1926—1930 гг. правительством было издано 276 подобных указов президента. Сейм начал работать на сессионной, а не на постоянной основе. Лишь президент имел право открывать и закрывать его сессии⁷. Кроме того, основу режима составили бывшие и действующие армейские офицеры. Санация была коалицией разных политических сил с акцентом на ликвидацию коррупции и сокращение инфляции. Главной политической организацией санации был Беспартийный блок сотрудничества с правительством.

В эволюции АР в Польше с 1926 г. и до 1 сентября 1939 г. можно выделить три этапа: переходный, названный «бартеляжем» (по имени премьер-министра Бартеля), продлившийся до 1930 г.; этап «твердой руки» (до 1935 г.), и этап «диктатуры без диктатора» после смерти Пилсудского.

На первом этапе маршал, который был убежден, что фашизм не подходит Польше, дискредитировал и нивелировал сейм. Его идеалом была сильная исполнительная власть, которую парламент должен контролировать, не вмешиваясь в ее

работу. Ослабленные национал-демократы, от которых Пилсудский ловко увел консерваторов (знаменитая встреча у Радзивиллов в замке Нишвиц), начали эволюционировать к крайне правому крылу и организовали фашиствующий Лагерь Великой Польши. Левые, разочарованные тем, что были лишены возможности вкушать плоды победы, постепенно превращались во все более радикальную оппозицию. Отделившись от других партий, сторонники маршала создали свой Беспартийный блок, который после выборов 1928 г. стал самой крупной группировкой в парламенте. Столкновение между режимом Пилсудского и парламентской системой было неизбежно. В результате в 1930 г. сформировался мощный блок «Центролевы» (центр-левые), который на своем конгрессе в Кракове бросил правительству вызов, обвинив его в диктатуре. В ответ Пилсудский приказал распустить парламент и арестовать основных руководителей оппозиции, которых заточили в Брест-Литовске. С этого момента политическая оппозиция преследовалась правовыми и силовыми методами.

На выборах 1930 г. Беспартийный блок добился более 50 % голосов⁸. В стране окончательно утвердился авторитаризм: президент обладал законодательными, конституционными, контрольными, исполнительными и чрезвычайными (в случае войны) полномочиями, назначал главу правительства и всех министров. Возросла также власть председателя правительства, который теперь имел право устанавливать общие принципы государственной политики. Более того, режим санации становился все более жестоким. Так, в 1931 г. в стране официально были введены военно-полевые суды, а в 1934 г. был создан концентрационный лагерь в Березе-Картузской. Аресты по политическим мотивам (в 1931 г. – 16 тыс. чел., в 1932 г. – 48 тыс. чел.) спровоцировали сильную волну т.н. «осадничества», миграции преимущественно ветеранов польской армии – политических противников Пилсудского в Литву, Украину, Белоруссию, Восточную Галицию и Волынь⁹. В стране продолжался разгул антисемитизма.

Незадолго до смерти Пилсудского, в апреле 1935 г., сформировавшийся военно-бюрократический режим был формально закреплен в новой конституции. Конституция ставила президента над исполнительной, законодательной и юридической властью, позволяя ему нести ответственность за некоторые свои действия исключительно «перед Богом и историей»¹⁰. Вскоре после смерти Пилсудского движение столкнулось с рядом внутренних проблем и разногласий. В конце концов, оно распалось на три отдельных направления: *Левая*

санация с лидером Валерием Славеком, которая стремилась к соглашению с оппозицией; *Замковая группа*, сформированная вокруг президента Игнатия Мосьцицкого, придерживающегося центристской ориентации; и *Правая санация*, группировавшаяся вокруг Эдварда Рыдз-Смиглы в союзе с радикальными националистами. Первое из этих направлений вскоре потеряло свое значение, а две другие продолжали борьбу за влияние до начала войны.

Например, распущенный Беспартийный блок заменил Лагерь национального объединения (ЛНО). Не имея четкой идеологии и пытаясь использовать в своих интересах звучные лозунги оппозиции (например, антисемитизм национал-демократов или культ земли), ЛНО был искусственным образованием и не предлагал никакой настоящей альтернативы. Напротив, оппозиция усилилась на крайне правом фланге – Национальная партия и ее профашистские ответвления вроде Национально-радикального лагеря, все больше тяготевших к националистскому и тоталитарному пути, и на постепенно объединявшимся левом. Аграрии, особенно после объединения двух партий («Пяст» и «Вызволене») в 1931 г., полевели, а крестьянские стачки 1937 г. завершились еще большим кровопролитием, чем во время их предыдущих манифестаций. Попытки консолидировать центристскую оппозицию приняли форму «Фронта Морж» (И. Падеревский, В. Сикорский, Ю. Галлер) и привели к созданию Партии труда. Одна маленькая демократическая партия сформировалась на основе клубов с тем же названием¹¹.

Новый избирательный Закон от 8 июля 1935 г., по которому право выдвигать кандидатов в депутаты могли только окружные избирательные комиссии, привел к бойкоту партиями выборов 1935 г. Сейм стал вотчиной санационного Лагеря, что только увеличило разрыв между страной легальной и страной реальной. Оппозиция показала свою силу во время муниципальных выборов 1938 г., но даже перспектива неминуемой войны не могла заставить власть сформировать крупную коалицию.

Таким образом, польский межвоенный режим представлял собой *авторитарную, милитаристскую бюрократию*. При этом все политические силы – и правящую верхушку, и «оппозицию» – объединяло одно: радикально шовинистическое стремление к расширению господства Польши над соседями и, разумеется, пресловутое «восстановление границ 1772 года». Ни сеймократия, ни режим санации не могли дать стране ни экономических, ни социальных благ, поэтому самым действенным

Научные доклады

оставался старый лозунг: «От можа до можа». Внешняя политика, заключавшаяся в лавировании между Германией и Россией (некоторые ее пронемецкие и прочешские отклонения вызвали критику оппозиции), была единственно возможным способом сохранить внутренне единство страны и то лишь на неопределенный период. Страны периферии (и Польша здесь не исключение) оказались в зоне интересов стран ядра капиталистической системы, что и определило их дальнейшую судьбу.

Венгерский путь к мобилизационному авторитаризму

Каждая страна своим путем шла к авторитаризму. Венгерским королевством, сохранившим свое старое название для того, чтобы подчеркнуть преемственность с короной Св. Стефана, управлял регент, чьи полномочия, включая назначение и отзыв правительства, созыв и роспуск парламент, были практически равны прерогативам монарха династии Габсбургов. Право голосования было ограничено: открытое голосование существовало только в сельских округах и в период с 1926 г. по 1938 год. Способ организации политического пространства в 1920-е годы напоминал эпоху до Трианонского договора, когда партия власти была «продолжением административного аппарата, чья функция состояла в обеспечении парламентского большинства»¹². Однако именно в Венгрии появилось раньше других периферийных стран крайне правое массовое движение нацистского толка, в том числе «Скрещенные стрелы». Внутренняя политика вращалась вокруг борьбы между правыми консерваторами и правыми радикалами, которая привела к постепенным уступкам, но не к капитуляции первых. Офицерский корпус, по большей части состоявший из военных немецкого происхождения, занимал особую позицию.

С ноября 1919 г. по апрель 1921 г. Миклош Хорти, бывший адъютант императора Франца Иосифа, пользовавшийся поддержкой армии, заложил основы нового государства. Требование Великих держав представительной формы правления определили ослабление белого террора и проведение парламентских выборов. В марте 1920 г. парламент провозгласил образование Венгерского королевства и установление регентства Хорти. Регент, по мнению современников, «был воплощением традиционного консерватизма, презрительно относившимся к плебейскому рационализму; поддерживал воинственный национализм и антисемитизм от имени расплывчатой и контрреволюционной «идеологии Сегеда»»¹³. Эта идеология зиждилась на национальных,

традиционных, христианских ценностях и понимании необходимости порядка. Хорти уверял легитимистов, что он пользуется властью только в отсутствие законного монарха из династии Габсбургов. Однако его поведение в отношении двух попыток короля Карла, пытавшегося вернуть себе венгерскую корону, подтверждает, что, держась за свое положение, он легко уступил давлению враждебных Габсбургам держав и Малой Антанты¹⁴. Карлу пришлось покинуть страну, а династия была низложена. Правительство в известной степени воспользовалось Трианонским договором (4 июня 1920 г.) и ревизионистскими тезисами, превратив их в аргумент для ограничения демократии.

Положение изолированной и уменьшившейся в размерах страны, без сомнения, требовало внутренней консолидации и внешней разрядки. Граф Иштван Бетлен, трансильванский аристократ и умеренный консерватор, прошедший политическую школу Иштвана Тисы, назначенный премьер-министром в апреле 1921 г., доминировал в политической жизни страны на протяжении следующего десятилетия. Он опирался на Объединенную партию, созданную из Христианской национальной партии и Партии мелких сельских хозяев, чью предполагаемую оппозицию он таким образом нейтрализовал. Компромисс с социал-демократами позволил Бетлену уменьшить их влияние в политической жизни. Изменения в избирательном законе страны, о чем уже шла речь выше, и восстановление Высшей палаты укрепили венгерскую версию авторитаризма, пропитанную традиционным патернализмом Тисы¹⁵. Благодаря умелым манипуляциям правительство добилось большинства голосов на выборах 1922, 1926 и 1931 годов. Оппозиция, представленная легитимистами, социал-демократами и независимой Партией мелких сельских хозяев (Золтан Тилди) и крайне правым крылом, не оказывала особого влияния на внешнюю и внутреннюю политику.

Бетлен умел обуздывать ревизионизм за пределами страны и покончил с изоляцией, введя Венгрию в Лигу Наций, которая предоставила стране крупный заем. Это позволяло надеяться на экономическое и социальное равновесие, но губительные последствия крупномасштабного кризиса, достигшего своего апогея в 1931 г., определили успех т.н. «правой революции», которая сменила «эпоху консолидации». Бетлен ушел в отставку, но остался своего рода «серым кардиналом», следившим за функционированием созданной им системы. В 1932 г. обязанности премьер-министра достались офицеру, правому радикалу Дьюле Гембешу.

Гембеш считал себя «национал-социалистом» и ратовал за сотрудничество с III Рейхом

и с Муссолини. Он верил, что фашизм станет лекарством от всех проблем во внутренней политике. Его хорошие отношения с нацистскими и фашистскими институтами в Германии и Италии позднее открыли дорогу для создания в стране многочисленных, хотя и небольших венгерских нацистских партий. Шовинист и ярый антисемит (правда, он отделял «хороших» евреев от «вредных»), ненавидевший аристократов, легитимистов и враждебных ему социалистов, Гембеш в какой-то мере являлся оппортунистом, что отличало его от нацистских фанатиков вроде Ференца Салаши, лидера «Скращенных стрел». Сменив название своей партии на Партию национального единства и поощряя правых радикалов, Гембеш, тем не менее, не отдавал себе отчета в истинном соотношении сил и роли еврейских финансистов. Его поворот к мелким сельским хозяевам, конфликт с Бетленом и победа на самых фальсифицированных выборах в 1935 г., в результате которых фашисты вошли в парламент, усилили политическую поляризацию в стране. За этим последовали зарубежные союзы и соглашения с представителями течений, оппозиционных в обычное время. Поскольку Гембеш не добился ожидаемых успехов во внешней политике и не заручился доверием Хорти, его положение стало неустойчивым: возможно он собирался ввести фашистскую диктатуру, но внезапная смерть в 1936 г. положила конец его карьере¹⁶.

Следующие премьер-министры умеренно придерживались политических взглядов Бетлена, однако не могли противостоять мощи Германии, которая оказывала все большее влияние на экономическую, политическую и идеологическую жизнь Венгрии, чем способствовала ее сползанию вправо. В конце концов, дототалитарный тип авторитаризма в Венгрии эволюционировал в фашизм, который привел Будапешт к войне на стороне Германии.

Авторитарное прошлое прибалтийских стран: казусы Литвы и Латвии

В межвоенный период территория *Литвы* включала только этнически литовские земли, за исключением сильно германизированной Клайпеды (Мемеля) – единственный порт республики, которая была отторгнута от Рейха по Версальскому договору и оккупирована в 1923 г. Более того, Литва лишилась своей исторической столицы, Вильнюса. Вопрос о Вильнюсе сильно повлиял на внешнюю и внутреннюю политику страны: он окончательно отдалил Литву от Польши и способствовал подъему националистических настроений. Однако такое положение вещей имело свои стратегические плюсы – это ускорило процесс консолидации

нации: отсутствие значительного польского меньшинства было преимуществом с этой точки зрения.

16 февраля 1918 г. Литовский Совет (позднее переименован в Государственный Совет) провозгласил независимость республики. 4 апреля 1919 г. им был учрежден институт президентства и избран первый Президент Литвы Антанас Сметона. 10 июня 1920 г. временная конституция закрепила положение об избрании президента парламентом/сеймом.

В выборах в парламент в апреле 1920 г. участвовало шесть политических партий. К правым себя относили: христианские демократы и националистическая Партия национального прогресса, преобразованная Антанасом Сметоной и Аугустином Вольдемарасом в 1924 г. в Национальный литовский совет (ЛТС). Аграрии (Николое Слежявичюс, Карл Гринюс) и Союз крестьян Литвы находились в центре, а социал-демократы (Стяпонас Кайрис) и маленькая коммунистическая партия в подполье, как и в Польше, занимали левый фланг¹⁷. Поражение националистов на выборах и незначительное большинство христианских демократов принесло победу на президентских выборах крестьянским партиям. Правительство возглавил аграрий К. Гринюс, а обязанности президента до 7 июня 1926 г. исполнял Аляксандрис Стульгинскис. На очередных выборах в парламент в 1923 г. положение христианских демократов существенно улучшилось, но спустя три года они потерпели сокрушительное поражение. В 1926 г. сейм избрал президентом Гринюса, а Слежявичюс с согласия социал-демократов получил пост премьер-министра. Надежда развивать и укреплять демократию растаяла из-за соперничества партий и растущего недовольства в стране. Некоторые историки считают, что пример государственного переворота, устроенного Пилсудским в Польше, способствовал военному путчу, который правые организовали через полгода после выборов – в декабре 1926 г.¹⁸ Президент и правительство были низложены, а «почищенный» сейм избрал Сметону президентом; кресло премьер-министра досталось Вольдемарасу.

Периоды эволюции политического режима в Литве во многом напоминали соответствующие этапы польской истории. Сметона, отвергавший гитлеризм, был провозглашен своими сторонниками националистами «верховным главой нации». По конституции 1928 г. он получил большие властные полномочия, а сейм, распущенный в 1927 г., не собирался семь следующих лет. Христианские демократы, изначально благожелательно относившиеся к Сметоне, затем вступили с ним в конфликт, по причине разногласий между

Научные доклады

правительством и церковью, которые достигли серьезного накала. Режим Сметоны также следует отнести к военно-бюрократическим: «диктатор» опирался на Национальный литовский совет, патристические и экономические организации, на литовских вольных стрелков (Заулюс) националистической ориентации. Антипольские настроения сыграли мобилизующую роль, тогда как антисемитские акценты были слабыми.

Фашистские и диктаторские замашки Вольдемараса, яркого, но вспыльчивого и надменного человека, который опирался на подпольную националистическую организацию «Железные волки» (Железнис Вилкас), спровоцировали разрыв между премьер-министром и президентом. После провала путча в 1934 г. Вольдемарас вновь попал в тюрьму. Летом 1935 г. сложная экономическая ситуация вызвала крестьянские бунты, которые подавила полиция. Затем из-за улучшения конъюнктуры на смену мелким уступкам пришлось ужесточение политики. Закон о прессе заставил замолчать оппозиционные журналы, а Закон об ассоциациях притушил активность оппозиционных партий. Закон о выборах 1936 г. ввел косвенное голосование в сейм, а конституция 1938 г. еще больше усилила власть президента¹⁹.

В 1938—1939 гг. Литву ждали два поражения. Польский ультиматум вынудил Каунас установить отношения с Варшавой, а германский — отнял у страны Клайпеду. Напряженная ситуация закончилась провозглашением мартовского законодательства, за которым последовали попытки договориться с оппозицией. Вслед за этим было сформировано коалиционное правительство, куда вошли христианские демократы и аграрии.

Литовское правительство не последовало примеру Словакии и, вопреки давлению со стороны Берлина, отказалось участвовать в немецком нападении на Польшу в 1939 г. Разгром Польши в сентябре и окружение Литвы территориями СССР на востоке и юге породило новую ситуацию. 10 октября был подписан литовско-советский пакт, по которому Литва получала Вильнюс и часть земель, ненадолго приобретенных ею в 1920 г. Пакт гарантировал обеим странам взаимную помощь. То был первый шаг к присоединению Литвы к СССР. 21 июля 1940 г. народный Сейм, избранный всеобщим голосованием, провозгласил создание Литовской советской республики и обратился с просьбой о принятии ее в состав Советского Союза.

Независимое государство *Латвия* было совершенно новым государственным образованием. 18 ноября 1918 г. Латвия впервые провозгласила суверенитет, а Карлис Улманис (Крестьянская

партия) стал премьер-министром. Ход событий в Латвии органически вписывался в контекст политического развития Европы, хотя эта страна — последней из стран Балтии — стала на путь авторитаризма. Конституция (Сатверсме) 1922 г., отводила главенствующую роль парламенту; политические партии представляли спектр самых разнообразных взглядов: от консерваторов, демократов до социалистов²⁰. Однако для успешного развития демократии в Латвии не было объективных предпосылок: более 60 % населения занимались сельским хозяйством, не было не только необходимого уровня индустриализации и урбанизации, политической институционализации, но и демократических традиций.

Парламентский кризис разгорелся в Латвии только в 1934 г., когда Улманис в ночь с 15 на 16 мая осуществил государственный переворот. В 23.00 айзсарги²¹ и армейские части заняли центральные госучреждения и с «удивительной легкостью захватили власть... Демократию в Латвии уничтожил политик, роль которого в создании и формировании государства была решающей»²².

Улманис установил режим, который нередко называют «Латвией 15 мая». Учитывая социально-политические силы, на которые опирался режим, его можно характеризовать как национал-консервативную диктатуру. Однако, анализ проведенных преобразований позволяет отнести режим Улманиса к корпоративному типу авторитаризма. В стране была создана система профессиональных камер. Это была своеобразная попытка организовать и представить жителей Латвии как производителей и представителей определенных профессий. Было создано шесть камер: Торгово-промышленная (1934 г.), Сельскохозяйственная и Камера ремесел (1935 г.), Трудовая камера (1936 г.), Камера литературы и искусств и Камера профессий (1938 г.). Надзор за ними и координацию их деятельности осуществляли Государственный хозяйственный совет и Государственный совет по культуре. С 1939 г. оба совета проводили совместные заседания.

Система камер и государственные советы были новыми государственными структурами, внешне напоминавшими некий парламент профессий. Однако не представляли интересов большинства и не выражали его волю. Камеры и оба совета не могли существенно влиять на государственную политику, т.к. не обладали законодательной инициативой. Фактически камеры превратились в контролируемые Кабинетом министров консультативные органы, которые непосредственно подчинялись соответствующим министерствам: отраслевые министры на три года назначали членов

камеры (90—120). Камеры обязаны были досконально знать все, что делается в отрасли, руководить ею, представлять интересы соответствующей группы общества, а также устранять по мере возможности возникающие конфликты интересов. Роль камер была невелика и из-за авторитарного стиля руководства. Решающим в любом вопросе было мнение ее председателя: решение принималось только с его согласия. Даже самые важные вопросы не решались путем голосования. Руководители камер обычно не рисковали высказывать противоречащее официальной точке зрения мнение²³.

Как и в других странах периферийной зоны капитализма, установленный в Латвии АР был попыткой отделения «государственной политики» от «партийной политики» и формирования «надпартийного» президентского правления, что позволяло полностью контролировать экономику, политику и культуру. Большое внимание уделялось также обеспечению национальной интеграции, упрочению государственного авторитета и государственной исполнительной власти. Происходило это за счет законодательной власти, а также путем ограничений, фактически ликвидировавших политический плюрализм. Режим 15 мая был, пожалуй, единственный диктаторский режим в Европе, который не сохранил никакого представительства народа. Сейм был разогнан, и его функции перешли к правительству. Во многих авторитарных и даже тоталитарных государствах были сохранены определенные формы парламентаризма или, по крайней мере, таковые существовали хотя бы в качестве вывески, в Латвии не было даже этого.

В основе установившейся в «Латвии 15 мая» политической системы лежал принцип вождизма. Улманис называл себя «полномочным представителем власти народа и государства» или просто вождем. Он мог опираться на армию, айзсаргов, крестьянство и ту часть латвийской интеллигенции, которая была тесно связана с деревней. В существовании и укреплении АР были заинтересованы и занятые в государственном секторе чиновники, число которых в 1930-е годы стремительно увеличилось. Для них диктатура Улманиса была источником личного благополучия, они активно участвовали в реализации всех форм управления государством.

Ни один существовавший в стране политический институт не ограничивал единоличную власть Улманиса. Все важнейшие государственные решения принимал назначенный им Кабинет министров, получивший новый «статус»: в его руках после роспуска Сейма сосредоточилась вся законодательная и исполнительная власть. Объявленное

военное (чрезвычайное) положение обеспечило правительству возможность принять поправки к Сатверсме. В «технической работе» (подготовке правительственных распоряжений и законов) «большому кабинету» помогал так называемый «малый кабинет». И хотя в первый состав обоих кабинетов входили известные политики, пользовавшиеся доверием влиятельных общественных групп и представлявшие их интересы, их мнение в принятии решений значило не много.

Кабинет министров был фактически институциональной завесой для воплощения воли диктатора. Монополии Улманиса на власть не угрожал и президент страны Алберт Квиесис, который занимал эту должность вплоть до весны 1936 г. Институт президентства в Латвии не был особенно силен даже в годы парламентаризма, не укрепился он и в годы авторитаризма. В результате государственного переворота президент страны не приобрел никаких новых полномочий.

27 февраля 1936 г. на тайном заседании Кабинета министров, на котором сам Улманис не присутствовал, было принято единогласное решение доверить премьеру (до обещанной во время переворота реформы Сатверсме) исполнять должность Президента страны и «поручить министру юстиции разработать и представить Кабинету министров соответствующий законопроект». Официально должность Президента страны Улманис занял 11 апреля, сосредоточив в своих руках «такую власть, какой у отдельного человека в государстве обычно не бывает»²⁴.

Концентрация власти в руках Улманиса продолжалась и в последующие годы. Идеи вождизма прогрессировали: весной 1940 г. он, будучи Президентом страны и премьер-министром, возглавил и министерство обороны. Сосредоточение в его руках абсолютной власти фактически поставило вождя над законом.

Улманису принадлежало решающее слово и в делах самоуправления при назначении главных должностных лиц. После переворота 15 мая произошло огосударствление институтов самоуправления. Закон 25 мая 1934 г. предусматривал ликвидацию в 60 городах Латвии избранных городских дум, а избранных глав городов и депутатов сменили лица, назначаемые министром внутренних дел. Реорганизация затронула и сельские самоуправления.

Тем не менее, режим Улманиса можно назвать мягким корпоративизмом: для режима не были характерны массовые репрессии, диктатура не была антигуманной. В стране не применялась смертная казнь, а Улманис сторонился политического экстремизма и стремился мягко нейтрализовать

Научные доклады

радикалов всех направлений: и ультралевых, и перконкрустовцев, и балто-немецких национал-социалистов. Он выступал и против антисемитизма. Преследуемые в нацистской Германии и на оккупированных ею территориях евреи могли обрести в Латвии убежище, в то время как многие демократические страны по разным причинам отказывались принимать преследуемых нацистами еврейских беженцев.

Показательно, что Улманис пользовался большой поддержкой у латышского народа, чему способствовали успехи режима в различных сферах. Например, правительство большое внимание уделяло строительству, экономической и социальной политике, росту благосостояния широких слоев населения, а образование и культура были его главными приоритетами. Все шесть лет своего существования авторитарный режим был стабилен и полностью контролировал ситуацию в стране. Современные латышские историки (Дайна Блейере, Илгварс Бутулис, Антонийс Зунда) и политики (Вайра Вике-Фрейберге, Артис Пабрикс и др.) считают, что именно после 15 мая 1934 г. латыши впервые почувствовали себя настоящими хозяевами страны. Недаром в исторической памяти латышского народа Улманис остался ярким выразителем национальных устремлений и символом латышской Латвии. Сегодня почти каждый житель Латвии знает, кто такой Улманис. Пока что ни один другой латышский политик не удостоился такой чести.

Корпоративный авторитаризм в Чехословакии

Особая ситуация, приведшая к формированию корпоративного авторитаризма, сложилась в Чехословакии. Политическая система страны базировалась на трех основаниях: на «группировке града» (hrad), на правительственной коалиции и на финансовом «истэблшменте». Первое – выражалось в прочной позиции Томаша Масарика и его окружения, второе – в почти непрерывном сотрудничестве лидеров самых значимых партий (petka, обычно состоявшая из Аграрной партии, социалистов, национал-социалистов, католических аграриев и, реже, национал-демократов), прекрасно дисциплинированных, что сводило роль парламента практически к форуму для дискуссий, а эти партии были названы «соправителями государства»²⁵. Третье основание – влиятельная финансовая среда, которая в идеологическом плане была близка к правым, а в личном – к «граду», играла стабилизирующую роль. Исключением была и легально действовавшая и довольно крупная Коммунистическая партия, которой сначала руководил Богумир Шмераль, а с 1919 г. – Клемент Готвальд.

До 1926 г., несмотря на восемь сменившихся правительств, были ли они коалиционными или состояли из чиновников-управленцев, провал попыток правых, а особенно мелких, но необычайно активных группок (генерал Радола Гайда) захватить власть, созданная система I Республики показала свою устойчивость. В октябре 1926 г. в «господскую коалицию» Антонина Швеглы, чей вклад в функционирование чехословацкой демократической модели поистине не оценим, вошли немцы, и, на короткий период, популисты Андрея Глинки. Недостаток политического воображения чехов в их отношениях со словаками воскресил и усугубил конфликт с лагерем Глинки. Крупный кризис, поразивший Чехословакию в начале 1930-х годов, и приход Гитлера к власти в Германии ознаменовали решающий поворот в развитии страны.

Судетские немцы ощутили на себе всю тяжесть последствий кризиса. Национальный антагонизм, разжигаемый мелкими, но утомительными придирками со стороны местной администрации, усилился и проявился в деятельности Судето-немецкой партии (СДП) Конрада Хенлейна, которая эволюционировала в направлении национал-социализма. Эдвард Бенеш, сменивший тяжело больного Масарика, так и не сумел достичь статуса и престижа своего прославленного предшественника; смерть Швеглы, после которого во главе Аграрной партии встал Милан Годжа, поворот во внешней политике, наконец, союз с СССР, создали новую внутреннюю и международную ситуацию.

В 1935 г. СДП, получив три четверти голосов судетских немцев, стала второй после аграриев партией в парламенте. В тесном сотрудничестве с Гитлером, твердо решившим уничтожить Чехословакию, сторонники Хенлейна сформулировали требования (программа Карловых Вар, 1938 г.), призванные изменить характер республики и ее положение в Европе. Немецкое наступление совпало с притязаниями польских и венгерских меньшинств, поддержанных Варшавой и Будапештом, так же как и с набиравшим обороты словацким движением за автономию.

Главный союзник Чехословакии, Франция, все больше равнявшаяся на британскую политику умиротворения, присоединилась к давлению на Прагу. Ситуация приняла драматический оборот в 1938 г., когда Бенешу пришлось столкнуться с центристскими силами внутри самого государства, с Гитлером, с соседними странами и западными державами, которые любой ценой хотели избежать войны. Какое бы мы ни вынесли суждение о стратегии Бенеша и его психической сопротивляемости – это был дипломат, а не борец,

как Масарик – он мог выбрать только между одной борьбой и капитуляцией. Мюнхенский диктат, навязанный ему 29—30 сентября 1938 г. Германией, Италией, Великобританией и Францией, которому Бенеш не осмелился противиться, подтолкнул его ко второму пути. Он рассчитывал на близкую войну, благодаря которой Чехословакия смогла бы восполнить свои территориальные потери. А они были очень существенны: 30 % территории, 30 % населения и две пятых промышленного потенциала²⁶. В результате предъявленного Праге ультиматума Польша аннексировала Тешинскую область. Что касается венгерских требований, то их частично удовлетворили, в соответствии с Мюнхенским пактом, в ноябре, вследствие германо-итальянского арбитража в Вене. В том же месяце Польша произвела спрямление границ в ущерб Словакии, в районе Тартаса.

II Чехо-Словацкая республика, как видно даже из орфографии, имела децентрализованную структуру, которая включала автономию для Словакии и Прикарпатской Русинии (совр. Закарпатье). Уже 6 октября, в Жилине, популисты получили согласие – или навязали его (на этот счет мнения расходятся) – других словацких партий на декларацию, требовавшую передачи власти партии Глинки. Прага была вынуждена пойти навстречу и признать правительство Иозефа Тисо (Глинка к тому времени умер) премьер-министром автономного правительства. Популисты, на самом деле обладавшие монополией на власть, делились на автономистов и сепаратистов, причем раскол захватывал еще и пропольскую фракцию Карола Сидора и пронемецкую – Войтеху Тука²⁷. Словацкие министры напрямую сносились с Варшавой и Берлином, игнорируя Прагу, что, в конце концов, привело к военному вмешательству в 1939 г. Воспользовавшись ситуацией, Гитлер объявил Тисо – на тот момент лишенного своих полномочий, – что если Словакия не провозгласит суверенитет при поддержке Германии, ее дальнейшую судьбу будет решать Венгрия.

Провозглашение независимости произошло 14 марта. Десятью днями позже словаки подписали договор о протекторате с Германией сроком на двадцать пять лет, предусматривавший контроль немцев за военными и иностранными делами Словакии. Популисты Глинки – немногочисленная, но хорошо организованная партия – добилась доминирующего положения в два этапа: в результате так называемого Жилинского соглашения 1938 г. и в период образования Словацкого государства в марте 1939 г. Они установили однопартийную, фактически фашистскую, систему, сформировали милицейский корпус – гвардию

Глинки. Аббат Иозеф Тисо, стоявший во главе государства, принял титул «vodce» (вождя).

В то же время прогитлеровский министр иностранных дел Войтех Тука присвоил себе право подвергать арестам «врагов государства», что привело к открытию в Илаве первого концентрационного лагеря, через который прошли около трех тысяч человек. Были созданы новые организации, такие, как служба безопасности, трудовые лагеря. Парламент значительно расширил полномочия правительства (Закон об изменении конституции Словакии от 21 июля 1939 г.), но в то же время его законодательные прерогативы были сведены к минимуму.

Почти одновременно, по-прежнему угрожая бомбить Прагу, Гитлер вынудил чехословацкого президента Эмиля Гаха согласиться на протекторат рейха для Богемии-Моравии. Гаха сдался и 15 марта 1939 г. немецкие войска вошли в Прагу. В тот же день Прикарпатская Русиния, получившая 11 ноября 1938 г. автономию провозгласила суверенитет. Это был чисто символический жест, поскольку в тот самый миг венгерские войска уже занимали, после кратких боев, весь регион.

Авторитарный транзит – закономерная фаза исторического развития

Анализируя политическое развитие стран ЦВЕ, ЮВЕ и Прибалтики в межвоенный период, следует помнить, что этот регион не является частью Запада, а лишь периферия ядра капиталистической системы.

Первая половина XX в. для стран и народов этого пространства – «время медленного, порывистого, с остановками идущего процесса модернизации, который был... радикально трансформирован коммунистической революцией, с ее особыми модернизационными проектами, мифами и утопиями»²⁸. И для максимально объективной оценки политической ситуации, сложившейся в большинстве стран ЦВЕ, ЮВА и Прибалтики в межвоенный период, важно понимать не только сложность социально-экономического положения, но и направление эволюции общественных настроений и политического спектра. Страны изучаемого региона не дали, к сожалению, нам исключений из общего правила – повсеместно происходила политическая радикализация общества, в первую очередь усиливался правый радикализм, что обеспечило успех авторитаризма.

В межвоенный период все страны ЦВЕ, ЮВЕ и Прибалтики имели авторитарные режимы в виде президентских или монархических диктатур. Диктатуры 1920—1930-х годов в Албании, Болгарии, Венгрии, Греции, Латвии, Литве, Польше, Румынии, Словакии, Эстонии, Югославии имели

Научные доклады

много общего. При всем различии обстоятельств возникновения их объединяли национализм, отрицание либеральной демократии, антипарламентаризм, критическое отношение к политическим партиям и стремление к единоличной власти вождя (монарха, президента или военного диктатора). Режимы во всех этих странах эволюционировали от квазидемократии к авторитаризму, главной оправданием которого «был поиск выхода из общеевропейского кризиса, утверждение и стабилизация национальной государственности»²⁹.

Среди общих факторов, определивших авторитарный транзит в странах ЦВЕ, ЮВА и Прибалтики следует назвать:

1. неготовность населения к управлению страной в условиях парламентаризма – большинство граждан не знали демократических традиций и не воспринимали демократию как ценность саму по себе; отсутствие соответствующей политической культуры;
2. либеральные избирательные законы открывали в большую политику дорогу мелким и экстремистским партиям, роль которых в парламенте была явно деструктивной;
3. отсутствие необходимой для демократии социальной структуры – устойчивого и многочисленного среднего класса; преобладание крестьянского населения, как правило, не поддерживающего демократию;
4. неготовность политической элиты к демократии; чрезмерные личные амбиции ведущих политиков;
5. чрезвычайно сложная экономическая ситуация в странах;
6. внешнее давление стран Тройственного союза.

Все АР межвоенного периода в изучаемом регионе отличало наличие трех основ авторитаризма: *вождизма, идей построения национального государства и национализма*. Важнейшей составной частью идеологии авторитаризма, ее ядром была идея национального государства и национализма, которая выражалась в требовании «восстановления национальной справедливости» и создании «польской Польши», «латышской Латвии», «венгерской Венгрии» и т.д., т.е. государства с четкой доминантой коренной нации. Цели эти должны были быть достигнуты путем предоставления «коренным» ведущих позиций в экономике, политике, культуре, воспитанием населения в националистическом духе, в нетерпимости к другим национальностям, прежде всего евреям, украинцам, белорусам и русским.

Важнейшей характеристикой всех авторитарных режимов является наличие сильной

харизматической личности: Пилсудский в Польше, Хорти и Гембеш в Венгрии, Сметона в Литве, Улманис в Латвии, Глинка в Словакии и т.д. В периферийных странах, где политическая ориентация определялась прежде всего преданностью личности, а не политической программой, лагерь вождей, диктаторов состоял из преданных лично им преторианцев.

Следует помнить, что генезис и расцвет АР связан с аморфностью политических конкурентов и наличием слишком мягкой, неспособной на решительные и жесткие действия в сложных социально-экономических условиях властной структуры парламентаризма. АР необходимо оценивать прагматично, «как организм, который заполнил пустоту в центре политической сцены и способствовал стабильности в стране»³⁰.

Эволюция всех АР проходит три общие стадии. На первой – приход власти определен «служением» некоей идее. На второй – начинает доминировать простой карьеризм, все чаще применяются методы, нарушающие не только политический плюрализм, но и права человека и гражданина. Сложившийся авторитаризм активно ограничивает оппозицию.

Что же касается основной массы населения, то оно, за исключением ущемленных в правах национальных меньшинств, весьма положительно воспринимало авторитарную трансформацию, которая несла с собой порядок, ограничивала коррупцию и обеспечивала социально-экономическое развитие общества.

В заключение сказанному хочу подчеркнуть, что авторитарный транзит периферийных стран межвоенной Европы является закономерной фазой их исторического развития. Объективные экономические, политические, социокультурные и геополитические причины определили генезис авторитарных режимов в момент перехода от традиционных и раннеиндустриальных обществ к современным и позднеиндустриальным.

Однако главный вывод из проведенного анализа следующий: сложная социо-экономическая ситуация в странах региона, усугубляемая последствиями глобализации и мирового финансового кризиса, способна спровоцировать рецидивы авторитарного транзита.

Elena G. Ponomareva. «Authoritarian Transition of Peripheral Countries of Interwar Europe: Political Analysis».

The author ponders on the causes of the crisis of democratic models in the countries of Central and Eastern Europe, South-East Europe and the Baltic states. Having analysed a complex of factors, she comes to the conclusion that the authoritarian transition of European peripheral countries

in the interwar period (1918–1939) was appropriate. While all authoritarian regimes of the period in the region under study were characterized by three foundations of authoritarianism – Führerprinzip, ideas of constructing nation-state and nationalism, specific traits allow to distinguish between three clusters of authoritarian regimes in the interwar Europe: military-bureaucratic, corporate (guild) and

pre-totalitarian (fascist mobilization) ones. However, the main conclusion is: the complex economic, political and socio-cultural situation in the countries of Central and Eastern Europe, South-East Europe and the Baltic states aggravated by the consequences of globalization and world financial crisis is able to provoke recurrences of authoritarian transition.

1. Linz J. Totalitarian and authoritarian regimes. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers, 2000.
2. Категории политической науки. М.: РОССПЭН, 2002. С. 178; Линц Х., Степан А. Государственность, национализм и демократизация // Полис. 1997. № 5.
3. Мамвеев Г. Ф. Пилсудский. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 240–296; История Польши. Режим доступа: <http://www.polska.ru/polska/historia>; Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 2. М.–Л., 1926. Гл. 5.
4. Медушевский А. Н. Конституционные циклы в Центральной и Восточной Европе // Социологический журнал. 2004. № 3–4. Режим доступа: <http://www.socjournal.ru/article/9>.
5. Мамвеев Г. Ф. Указ. соч. С. 305–306.
6. Wariński R. Z dziejów tendencji nacjonalistycznych // Kwartalnik historyczny. 1973. № 4. S. 840.
7. Stachura P. The Second Polish Republic, 1918–1939. L., 1996. P. 156–159; Dziewanowski M. K. Poland in the Twentieth Century. N.Y., 1977. P. 200–203.
8. Вандич П. Двадцатый век. Политические системы // История Центрально-Восточной Европы. СПб.: Евразия, 2009. С. 554.
9. Широкопад А. Б. Польша. Непримириемое соседство. М.: Вече, 2008. С. 351; Жуков Д. Польша – «цепной пес» Запада. М.: Яуза-пресс. С. 279.
10. Осятыньский В. Краткая история конституции // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1997. № 3–4. С. 52–61.
11. Вандич П. Указ. соч. С. 555.
12. Janos A. The Politics Backwardness in Hungary. Princeton, 1962. P. 288–289.
13. Вандич П. Указ. соч. С. 558.
14. Molnar M. From Bela Kun to Janos Kadar. N.Y., 1990. P. 130–137.
15. Romsics I. Hungary in the Twentieth Century. Budapest, 1999.
16. Вандич П. Указ. соч. С. 559–560.
17. Ochmański J. Historia Litwy. Wrocław, 1990. P. 280–289.
18. Вандич П. Указ. соч. С. 556.
19. Bardach J. O dawnej i niedawnej Litwie. Poznań, 1988. P. 190–193.
20. История Латвии. Рига: J.L.V., 2005. С. 147.
21. Айзсанги (защитники, охранники) – военизированная парамилитарная организация, ополчение в Латвии (1919–1940). Создана 20 марта 1919 г. по указу руководителя Временного правительства Латвии Улманиса. Как ополчение выполняло функции вспомогательных сил полиции (выражалась в содействии полиции при проведении обысков и арестов, патрулировании, борьбе с бандитизмом, мародерами после гражданской войны) и армии (в военное время) – то есть выполняла роль Национальной гвардии. В организацию могли вступить граждане мужского пола от 20 (после службы в армии) до 60 лет любой национальности. Организация айзсаргов была восстановлена (точнее – создана организация с таким же названием) в 1990 г. Организация не была признана властью, иметь оружие ее членам не позволили, и оно скоро раскололось на между собой воюющие малочисленные фракции и организации (новый основатель и лидер после раскола партии ее радикального крыла – Янис Рибас в ноябре 1997 был убит). Эта организация (под таким названием фигурирует 2 организации, из которых только одна официально зарегистрирована как общество) в современной Латвии почти не известна и объединяет малочисленную группу национал-экстремистов (Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>).
22. История Латвии... С. 161.
23. История Латвии... С. 169–170.
24. История Латвии... С. 167.
25. Вандич П. Указ. соч. С. 546.
26. Вандич П. Указ. соч. С. 551.
27. Czechoslovakia, 1918–1988. Seventy Years from Independence. Ed. G.H. Skilling. Oxford, 1991. P. 278–281.
28. Schopflin G. The Political Traditions of Eastern Europe // Daedalus. 1990. Vol. 119. P. 87–88.
29. Медушевский А. Н. Конституционные циклы в Центральной и Восточной Европе // Социологический журнал. 2004. № 3–4. Режим доступа: <http://www.socjournal.ru/article/9>.
30. Вандич П. Между плюрализмом и тоталитаризмом. Вопрос о политических режимах // История Центрально-Восточной Европы. СПб.: Евразия, 2009. С. 841.